

Трансформация мировой системы экономических отношений под влиянием глобальных интересов США: риски для России

Рукинов М. В.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); a97440533@protonmail.com

РЕФЕРАТ

В статье выполнен анализ трансформации мировой системы экономических отношений с точки зрения обеспечения экономической безопасности России. Показано, что в основе этой трансформации лежит борьба за экономическое, технологическое и политическое лидерство США в условиях формирования предпосылок к его утрате. Выявлены основные факторы, влияющие на происходящие трансформации, и оценен их вклад в обеспечение глобальной и национальной (для России) безопасности, прежде всего — экономической.

Ключевые слова: санкции, мировая система экономических отношений, глобальное лидерство, экономическая безопасность

Для цитирования: Рукинов М. В. Трансформация мировой системы экономических отношений под влиянием глобальных интересов США: риски для России // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 113–119.

Transforming the World System of Economic Relations under the Influence of U. S. Global Interests: Risks for Russia

Maksim V. Rukinov

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; a97440533@protonmail.com

ABSTRACT

The article analyses the transformation of the world system of economic relations from the point of view of ensuring the economic security of Russia. It is shown that at the heart of this transformation is the struggle for economic, technological, and political leadership of the United States in the context of the formation of preconditions for its loss. The main factors influencing the ongoing transformations have been identified and their contribution to ensuring global and national (for Russia) security, first of all — economic.

Keywords: sanctions, world system of economic relations, global leadership, economic security

For citing: Rukinov M.V. Transforming the World System of Economic Relations under the Influence of U. S. Global Interests: Risks for Russia // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 113–119.

Система мировых экономических и политических отношений в настоящее время претерпевает глубокие изменения. Внутренней причиной происходящих трансформаций, по мнению автора, является резко обострившаяся борьба за политическое и экономическое лидерство, что внешне воплощается в торговых войнах, ужесточившейся конкуренции за рынки, санкционном давлении, «прокси-войнах» на периферии ведущих мировых государств и т. д. Эти изменения имеют важные по-

следствия для экономической безопасности нашей страны [14; 15], однако, пока систематизированного описания для них предложено не было.

В российской научной и аналитической литературе по очевидным причинам основной акцент делается не на трансформации мировой системы экономических и политических отношений в целом, а только на тех аспектах этой трансформации, которые непосредственно затрагивают Россию. Однако отсутствие комплексного анализа происходящих глобальных изменений не позволяет выстроить комплексную картину угроз для нашей страны, что, в свою очередь, препятствует разработке комплексной стратегии противодействия им и адаптации к новым факторам международного окружения.

В предлагаемой статье мы изложим наше видение сущности этих изменений на глобальном уровне и возможных мер, которые следует принять нашей стране, чтобы минимизировать негативные последствия происходящей трансформации для экономической безопасности Российской Федерации.

Итак, после распада мировой социалистической системы в 1989–1991 гг. и исчезновения политического и экономического лидера этой системы — СССР — единственной сверхдержавой в мире стали США. Позиционируя себя в качестве «лидера свободного мира» в течение холодной войны, после ее окончания США стали лидером всего мира. Их статус сверхдержавы основывался на следующем:

- неоспоримом политическом лидерстве (крупнейшие вооруженные силы, мощный ядерный арсенал, система возглавляемых США военных союзов, в первую очередь — НАТО);
- обладании крупнейшей экономикой мира;
- технологическом лидерстве;
- статусе доллара США как международной валюты, что предоставляет США уникальную возможность получения внешнего финансирования.

Важно подчеркнуть, что факторы лидерства США и само это лидерство представляют собой взаимосвязанную и взаимоподдерживающуюся систему. Факторы лидерства дают США возможность быть лидером, но, будучи лидером (и получая связанную с этим ренту), США могут укреплять факторы своего лидерства.

Отметим, что, противостоя советскому блоку в холодной войне [12], США ревностно оберегали свое лидерство в капиталистическом мире, жестко пресекая попытки других государств перехватить его. В частности, в 1985 г. на основе так называемого «Соглашения Plaza» был остановлен экономический рост Японии — страны, которая, по прогнозам 1980-х гг., должна была постепенно стать ведущей экономикой мира. Япония была фактически принуждена к заключению этого соглашения, которое стало причиной длительной стагнации японской экономики. Эта политика продолжилась и после распада СССР — по оценкам отдельных специалистов, агрессия НАТО в Югославии в 1999 г. в качестве одной из целей имела подрыв евро как потенциального конкурента доллара США.

Эпоха после 1991 г. рассматривается не только как период безоговорочного доминирования США, но и как эра глобализации — выстраивания единой мировой экономики со сложной системой кооперации и разделения труда [3; 8; 9; 10]. Признаками глобальной экономики стали деиндустриализация традиционных ведущих экономических центров мира (США и Европы), перенос промышленных производств в Азию (в первую очередь — в Китай, который смог благодаря этому пережить мощный экономический рывок) и сосредоточение США и Европы на производстве товаров, услуг и технологий с высокой добавленной стоимостью.

Однако после кризиса 2008 г. стали проявляться противоречия мировой глобальной экономической модели, а рост экономического и политического потенциала отдельных государств в сочетании с развитием новых технологий (открывающих

дорогу новому технологическому укладу [1; 7; 13]) стал размывать статус США как единственного лидера. Поскольку же, как было сказано выше, лидерство США и факторы этого лидерства тесно связаны друг с другом, угрозы глобальному лидерству США воспринимаются руководством этой страны как угрозы благополучию и процветанию Америки и поэтому должны устраняться любой ценой (именно на этом акцентируется основное внимание в политическом курсе, избранном текущей администрацией США под руководством Д. Трампа).

Итак, противодействие указанным угрозам является основной причиной текущего обострения мировой экономической и политической ситуации. Перечислим основные угрозы лидерству США.

Растущая экономическая и технологическая мощь Китая

Китай по размеру своей экономики стремительно настигает США (в номинальном выражении; по паритету покупательной способности ВВП Китая уже несколько лет назад превысил ВВП США) и при этом сумел добиться значимых прорывов в технологическом развитии (прежде всего, в области искусственного интеллекта). КНР открыто декларирует желание стать глобальным технологическим лидером в условиях цифровой экономики. Для противодействия этому США открыто используют инструментарий экономического принуждения.

Следует отметить, что, несмотря на быстрое развитие Китая, он по-прежнему зависит от поставок высокотехнологичной продукции из США (хотя эта зависимость постепенно ослабляется, в том числе и за счет достаточно небрежного отношения Китая к вопросам правового режима оборота интеллектуальной собственности, что позволяет ему быстро копировать и осваивать передовые зарубежные наработки). Вторым «слабым местом» Китая, по нашему мнению, является сильная зависимость от экспорта (во многом для обеспечения которого реализуется проект «Один пояс, один путь», призванный обеспечить Китай собственной зоной экономического влияния и гарантировать пути поставок продукции и ресурсов).

Именно по этим «слабым местам» и наносят удар США, блокируя поставки высокотехнологичной продукции (например, санкции, введенные против компании ZTE), препятствуя сбыту китайских высокотехнологичных товаров за рубежом (что в целом подрывает эффективность инновационных китайских компаний; примером может быть запрет на использование оборудования Huawei в США, поддержанный рядом их геополитических союзников) и вводя заградительные пошлины на импорт китайской продукции в США.

Цель США заключается в недопущении поражения в технологической гонке с Китаем, усложнении деятельности китайских высокотехнологичных компаний и предоставлении конкурентных преимуществ для национальных высокотехнологичных фирм. Помимо этого, США хотят сократить дефицит своего торгового баланса и создать стимулы для экономического роста. В результате, Китай в настоящее время оказался перед выбором — либо принять требования США и добровольно ограничить свое экономическое и технологическое развитие (США настаивают на сокращении государственной поддержки китайской экономики, ужесточении контроля над соблюдением прав иностранных владельцев интеллектуальной собственности, ревальвации юаня и т. д.), либо отказаться от этих требований и находиться под действием инструментов торговой войны, начатой США.

С точки зрения интересов России, давление США на Китай может стать причиной замедления роста китайской экономики и, как следствие, снижения спроса на те ресурсы, которые Россия поставляет в КНР (прежде всего, на углеводороды). Это приведет как к сокращению физических поставок ресурсов, так и к снижению цен на них, что неблагоприятно отзовется на состоянии российского бюджета и замедлит экономический рост нашей страны (и так крайне слабый и неуверенный).

Восстановление военного потенциала Российской Федерации

Разумеется, США (особенно если принять во внимание их военно-политических союзников) с военной точки зрения на сегодняшний день сильнее России. Однако уровень военной мощи России вырос до того размера, при котором она может создавать угрозу для США и причинить, даже в случае своего военного поражения, такой ущерб США и их союзникам, который поставит под сомнение саму возможность их дальнейшего существования.

При этом слабым местом России, унаследованным от СССР, является диспропорция между военной мощью и экономическим потенциалом. Российская экономика сравнительно невелика по размерам. Поддержание текущего уровня военного паритета требует больших затрат, особенно высоких в условиях стагнации, и потенциальное участие в «гонке вооружений» ляжет тяжелым бременем на государственный бюджет (основным источником пополнения которого являются нефтегазовые доходы).

Кроме того, Россия отстает от передовых стран с точки зрения уровня технологического развития, что вынуждает ее приобретать инновационную продукцию за рубежом (в том числе и для нужд ОПК) — эта проблема тоже имеет давнюю историю (она также существовала еще во времена СССР). США противодействуют этой угрозе путем ограничения поставок высокотехнологичной продукции, нагнетания военных угроз (в частности, выходом из договора РСМД, что вынуждает Россию применять ответные меры и ведет к увеличению ее военных расходов и еще большему давлению на отечественную экономику) и блокирования российского экспорта вооружений и углеводородов [2; 4; 5; 6].

Рост военных угроз выражается не только в нагнетании агрессивной риторики и принуждении к гонке вооружений, но и в проведении военных операций, затрагивающих интересы России, на ее периферии. Примерами могут быть поддержка США террористических и повстанческих организаций в Сирии, ведущих борьбу против законного президента этой страны Б. Асада, предоставление вооружения и военной техники киевскому режиму, которые используются для карательных операций в регионах, за которые Россия приняла на себя гуманитарную ответственность (народные республики Донбасса) и т. д.

Особо следует указать на американское содействие в восстановлении украинского военного флота после его фактической ликвидации в 2014 г., а также помощь в пополнении Морской охраны Государственной пограничной службы Украины (МО ГПСУ); украинские военно-морские силы и МО ГПСУ ведут активную провокационную деятельность против России в Черном и Азовском морях (атаки на российские нефтяные платформы, попытка прорыва через Керченский пролив в ноябре 2018 г., задержание российских рыболовных судов и т. д.).

Отметим, что США не считают Россию (в отличие от Китая) значимым экономическим соперником, в связи с чем, по нашему мнению, введенные санкции направлены не на слом российской экономики как таковой, а на лишение России необходимых ресурсов для поддержания военной мощи. Напротив, меры против Китая предназначены именно для противодействия росту экономического [11] и технологического потенциала КНР (несмотря на возросшую военную мощь Пекина и на его политическую экспансию в Юго-Восточной Азии, США видят в Китае, прежде всего, глобального экономического противника).

При этом отметим, что, хотя у России и Китая существует конфликт интересов с США, это не делает наши страны автоматическими естественными союзниками. Китай ориентирован на сохранение своего экономического потенциала и достижения технологического лидерства, и не желает военно-политического противостояния с США, и поэтому, судя по наблюдаемым признакам, не будет оказывать России явную политическую поддержку.

Более того, вероятно, что Китай скорее даже будет использовать нашу страну в своих долгосрочных целях. Прежде всего Россия удобна для отвлечения внимания США от Китая, и, кроме того, с учетом частичной изоляции России вследствие введенного против нее санкционного режима, Китай может заместить выпавших традиционных российских партнеров на выгодных для себя условиях (благодаря отсутствию конкуренции).

Возникновение региональных лидеров, претендующих на ведение самостоятельной (не согласованной с США) политики

Наиболее яркими примерами здесь могут быть Венесуэла, Турция и Иран. Интересно отметить, что, хотя Турция является членом НАТО, США в последние годы придерживаются в отношении этой страны исключительно агрессивной риторики и вводят против нее ограничительные меры (в том числе активно обсуждается перспектива исключения Турции из производственной цепочки по выпуску нового истребителя F-35).

Что касается Ирана, то против него задействован весь потенциал экономического подавления (запрет на экспорт углеводородов, запрет на ведение торговых операций, запрет на проведение платежей и т.д.). Жесткие меры давления используются в отношении и Венесуэлы (запрет на оплату поставок углеводородов из Венесуэлы в пользу подконтрольных текущему венесуэльскому правительству экспортеров — отметим при этом, что сами поставки разрешены), однако ситуация в этой стране, на наш взгляд, усугубляется некомпетентностью правящего режима, допустившего, даже в условиях санкций, обвальное падение экономики.

Меры экономического подавления против этих государств с точки зрения экономической безопасности России носят двоякий характер. С одной стороны, заинтересованность этих стран в обеспечении самостоятельной экономической и политической стратегии естественным образом вынуждает их к балансированию между альтернативными центрами силы, т.е. благоприятствует наращиванию их сотрудничества с Россией. В частности, Россия может обеспечить сбыт в эти государства продукции своего оборонно-промышленного комплекса, получить доход от управления природными ресурсами этих стран (включая их сбыт на мировых рынках — к посредничеству России в этой области может прибегнуть Венесуэла), получить выгодные контракты на развитие и обновление инфраструктуры этих стран и т.д.

Теоретически это позволило бы России обеспечить внешний рынок для сбыта своей продукции и для закупки необходимых ресурсов, т.е. сформировать собственную зону экономического влияния. Это значительно бы упростило проведение политики импортозамещения и позволило бы повысить эффективность российской экономики, а также частично сгладить негативный эффект санкций против России. С другой стороны, неустойчивость политического положения в этих странах (находящихся под давлением США), а также нехватка финансовых ресурсов (по той же причине) делает эти государства недостаточно выгодными и высокорискованными партнерами.

Сбыт дорогостоящей российской продукции на этих рынках будет осуществляться скорее всего в кредит (что в условиях финансовых санкций против России и крайне неустойчивого экономического роста в нашей стране становится сложной операцией), а долгосрочные контракты гарантируются лишь личной заинтересованностью правящих режимов. В случае их свержения контракты будут расторгнуты на невыгодных условиях и переданы альтернативным поставщикам.

Это подтверждается ситуацией в Иране. В период действия предыдущих санкций против Ирана именно Россия была одним из немногих торговых партнеров этой страны и оказывала ей умеренную политическую поддержку. После заключения иранской ядерной сделки санкции с Ирана были сняты, и иранская экономика открылась для международных контрактов и инвестиций. С учетом предыдущего опыта взаимодействия с Ираном российские предприятия могли бы рассчитывать на

определенные предпочтения, однако этого не произошло. Все значимые контракты (например, на поставку локомотивов) были отданы поставщикам из других государств.

Таким образом, хотя потенциал сотрудничества России с этими странами существует, он невысок и его использование связано со значительными рисками (однако использовать его все равно необходимо). Завершая наш анализ, подчеркнем, что в настоящее время нет государств, которые бы одновременно угрожали экономическому и военно-политическому глобальному лидерству США (в среднесрочной перспективе такая угроза может возникнуть со стороны Китая, который, однако, не заинтересован в нагнетании напряженности). Кроме того, среди стран, против которых США применяют меры экономического давления, нет единства относительно противодействия этому давлению.

Сегодня мы наблюдаем серьезную трансформацию всей мировой системы экономических отношений, движущей силой чего являются глобальные интересы США, их борьба за лидерство. Эти изменения несут риски и угрозы для национальной экономической безопасности России и должны быть нивелированы соответствующими мерами экономической политики, разработка которых может стать предметом самостоятельного исследования.

Литература

1. *Бабурина О. Н., Гуриева Л. К.* Научно-технологический императив конкурентоспособности России в условиях концептуализации четвертой промышленной революции (Industry 4.0) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 3. С. 396–416.
2. *Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г.* Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. 2015. № 10. С. 24–32.
3. *Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В.* Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 1. С. 17–30.
4. *Ерасова Е. А., Плотников В. А.* Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. 2015. № 3. С. 22–28.
5. *Загашвили В. С.* Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 67–77.
6. *Клинова М. В., Сидорова Е. А.* Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 67–79.
7. *Клочков В. В.* Влияние технологий «цифровой экономики» на индустриальный сектор // Друкерровский вестник. 2018. № 2. С. 59–67.
8. *Кондратьев В. Б.* Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 49–58.
9. *Котляров И. Д.* Формы аутсорсинга в современной международной торговле // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 65–72.
10. *Кошовец О. Б., Ганичев Н. А.* Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларация, реальность и новый механизм роста // Экономическая наука современной России. 2018. № 4. С. 126–143.
11. *Курбанов А. Х., Плотников В. А.* Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. 2016. № 3. С. 45–56.
12. *Левин М. И., Шевелева И. В.* Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. 2017. № 2. С. 54–65.
13. *Плотников В. А.* Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4. С. 16–24.
14. *Сенчагов В. К., Побываев С. А., Соловьев А. И.* Оценка влияния глобальных рисков как инструмент формирования экономической стратегии России: индикативный подход // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 8. С. 24–31.
15. *Харламова А. А.* Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1. С. 36–39.

Об авторе:

Рукинов Максим Владимирович, докторант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; a97440533@protonmail.com

References

1. Baburina O. N., Gurieva L. K. Scientific and technological imperative of competitiveness of Russia in the context of conceptualization of the fourth industrial revolution (Industrie 4.0) // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priorityty i bezopasnost']. 2019. V. 15. No. 3. P. 396–416. (In rus)
2. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G. Sanctions in the context of globalization and their impact on the economic development of Russia // Economics and management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. No. 10. P. 24–32. (In rus)
3. Dementyev V. E., Novikova E. S., Ustyuzhanina E. V. Place of Russia in global value chains // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priorityty i bezopasnost']. 2016. No. 1. P. 17–30. (In rus)
4. Erasova E. A., Plotnikov V. A. Prospects of development of Russian military-industrial complex under conditions of economic sanctions // Economics and management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. No. 3. P. 22–28. (In rus)
5. Zagashvili V. S. Western Sanctions and Russian Economy // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2015. V. 59. No. 11. P. 67–77. (In rus)
6. Klinova M. V., Sidorova E. A. Economic sanctions and their impact on Russia 's economic ties with the European Union // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2014. No. 12. P. 67–79. (In rus)
7. Klochkov V. V. Influence of “digital economy” technologies on the industrial sector // Druker Journal [Drukerovskii vestnik]. 2018. No. 2. P. 59–67. (In rus)
8. Kondratiev V. B. Global value chains in economic sectors: general and special // World economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. V. 63. No. 1. P. 49–58. (In rus)
9. Kotlyarov I. D. Forms of Outsourcing in Modern International Trade // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2011. No. 6. P. 65–72. (In rus)
10. Koshovets O. B., Ganichev N. A. Global digital transformation and its goals: declaration, reality and a new growth mechanism // Economic science of modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii]. 2018. No. 4. P. 126–143. (In rus)
11. Kurbanov A. H., Plotnikov V. A. Economic potential of the country as an economic category // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii]. 2016. No. 3. P. 45–56. (In rus)
12. Levin M. I., Sheveleva I. V. Recollection of the Future: Technology Transfer and Cold War Experience // Finance and Business [Finansy i biznes]. 2017. No. 2. P. 54–65. (In rus)
13. Plotnikov V. A. Digitalization of production: theoretical essence and prospects of development in the Russian economy // News of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. No. 4. P. 16–24. (In rus)
14. Senchagov V. K., Pobyvaev S. A., Solovyev A. I. Assessment of the Impact of Global Risks as a Tool for Forming Russia 's Economic Strategy: Indicative Approach // Economic Strategies [Ekonomicheskie strategii]. 2016. V. 18. No. 8. P. 24–31. (In rus)
15. Harlamova A. A. Emergence of new threats to economic security of Russia // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2017. No. 1. P. 36–39. (In rus)

About the author:

Maksim V. Rukinov, Doctoral candidate of the Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; a97440533@protonmail.com